

ДЮНА

Брайан Герберт, Кевин Андерсон

ДЮНА

ПОЛ

Издательство АСТ
Москва

Джейнет Герберт и Ребекке Муста Андерсон.

Спасибо вам за терпение, мудрость и любовь, спасибо за все то, что невозможно выразить словами. Если бы нам пришлось описать все, чем мы обязаны вам, то потребовалось бы написать книгу, большую, чем этот роман.

История — подвижна и изменчива. Новые черты появляются на ее лице по узнаванию новых подробностей, исправлению ошибок и смене народных настроений. Историки создают монумент истины не из твердого гранита, они лепят статую из сырой глины.

Принцесса Ирулан.
Предисловие к «Жизни Муад'Дибя», том I

Простите мое нетерпение, Верховная Мать, но Вы неверно истолковали мои намерения. Описывая жизнь Пола Атрейдеса, Императора Муад'Дибя, я вовсе не имела в виду сухо перечислять исторические события. Разве не извлекли мы горьких уроков из нашей Защитной Миссии? При умелом обращении мифы и легенды могут стать орудиями или оружием, в то время как голые факты — это всего лишь... факты.

Принцесса Ирулан.
Письмо в школу матерей на Уаллахе IX

Часть I
ИМПЕРАТОР МУАД'ДИБ

10194 год эры Гильдии
Год спустя после падения
Шаддама IV

Мой отец оставил много больше, чем сохранившиеся фрагменты воспоминаний о нем. Его происхождение, его характер, его учение сделали меня таким, каким я стал. Пока вселенная будет помнить меня, как Пола Муад'Диб, она будет помнить и герцога Лето Атрейдеса. Сыновей всегда лепят их отцы.

Надпись на гробнице у перевала Харг

Безмятежный океан песка простирался, насколько хватало глаз, безмолвный и недвижимый, грозящий в любую минуту разразиться ужасной бурей. Арракис — священный мир Дюны — становился оком галактического урагана, кровавого джихада, яростной волной заливающего рушащуюся Империю. Пол Атрейдес предвидел это и теперь привел его в движение.

В течение года, прошедшего после свержения Шаддама IV, миллионы новообращенных присоединились к армии Пола, пополнив ряды его преданных фрименских воинов, каждый из которых был готов отдать жизнь за своего вождя. Ведомые фанатичными федайкинами и другими надежными военачальниками, солдаты священного воинства развертывали силы, нацелившись на другие звездные системы. Как раз в это утро Пол послал Стилгара и его легион в поход, напутствовав людей пламенной речью. Были в ней и такие слова: «Я дарую вам силу, мои воины. Идите и исполняйте мой святой завет». Это было его любимое место из Оранжевой Католической Библии.

Позже, в жаркий полдень, он удалился из безумного Арракина, покинув возбужденное войско и испускающих подобострастные вопли почитателей. Здесь, в пустынных

горах, Пол не нуждался во фрименских проводниках. Пустыня была тиха и чиста, излучая иллюзию мира и покоя. С Полом была его возлюбленная Чани, его мать Джессика и его маленькая сестра. Ей еще не исполнилось и четырех лет, но Алия была уже далеко не дитя. Она появилась на свет, обладая памятью и знаниями полноценной Преподобной Матери.

Поднимаясь вместе со спутницами по крутому склону коричневой горы к перевалу Харг, Пол изо всех сил старался проникнуться чувством блаженной неизбежности. Пустыня заставляла его чувствовать себя малым и смиренным, но отнюдь не прославляемым мессией. Пол ценил каждый миг, проведенный вдали от преданных последователей, которые, едва завидев его, принимались выкрикивать: «Муад’Диб! Муад’Диб!» Пройдет еще немного времени и вести о военных победах сделают его положение еще невыносимее. Но этого не избежать. Настанет время, и волна джихада смоеет и его, Пола. Он уже начертал курс священной войны, он — великий навигатор человечества.

Война была всего лишь одним из его орудий. Теперь, когда он изгнал бывшего Падишах-Императора на Салусу Секундус, Пол должен был позаботиться о консолидации сил членов Ландсраада. Он послал своих самых искусных дипломатов для переговоров с некоторыми благородными Домами, в то время как для усмирения самых непокорных были посланы армии фанатичных солдат. Многие аристократы не собирались складывать оружие, поклявшись оказывать яростное сопротивление. Они оправдывали это либо тем, что не хотят потворствовать мятежу, либо заявляя, что сыты императорами по горло. Но как бы то ни было, армии Муад’Дибас сметут их и продолжат свое победоносное наступление. Пол изо всех сил старался избежать насилия, но подозревал, что кровавая реальность окажется хуже всех его подкрепленных предзнанием видений.

Видения же эти были ужасающими.

Столетия упадка и дурного правления превратили Империю в мертвый сухой лес — разожженный Полом пожар

распространится с ужасающей быстротой. В прежние, более цивилизованные времена конфликты решались войнами убийц, но теперь такой выход представлялся зыбким и чересчур благородным, он никуда не годился. Столкнувшись с религиозными фанатиками, некоторые правители предпочтут сдать, не пытаясь противостоять дикому стихийному напору.

Но не все окажутся такими благоразумными...

Для этого короткого путешествия Пол и три его спутницы надели новые конденскостюмы, покрытые пятнистой маскировочной тканью. Одежда эта выглядела изрядно поношенной, но смотрелась лучше, чем костюмы, какие Пол носил, живя беглецом среди фрименов. Производители новых моделей утверждали, что их костюмы прочнее тех, которые делали традиционными способами в тайных ситчах.

«Эти фабриканты делают свои костюмы с самыми лучшими намерениями, выказывая свою преданность, не понимая, что молчаливо критикуют меня своими «улучшениями».

Выбрав удобное место — уютную площадку на гребне скалы, окруженную, как амфитеатром, отвесными камнями, Пол сбросил с плеч дорожный ранец. Развязав тесемки, он отодвинул в сторону надувные складки вельватина. При этом на лице его появилось то же благоговейное выражение, какое он видел у своих самых преданных почитателей.

Пол почтительно прикоснулся к выбеленному солнцем черепу и нескольким костным фрагментам — двум ребрам, локтевой кости и расколотому бедру — эту реликвию фримены хранили много лет после захвата Арракина Харконненами. Это были священные останки герцога Лето Атрейдеса.

В этих костях не было ничего от живого, теплого — во плоти и крови — мудрого отца Пола, но это был важный символ. Пол осознавал ценность и необходимость символов.

— Эта гробница давно изжила себя.

— Я уже давно воздвигла усыпальницу благородного герцога в своем сердце, — сказала Джессика, — но было бы хорошо упокоить его останки.

Опустившись на колени рядом с Полом, Чани принялась расчищать место от крупных камней, часть которых уже подернулась пятнами лишайника.

— Это место надо сохранить в тайне, Усул. Нельзя оставлять здесь памятных знаков и ставить указатели. Надо защитить место упокоения твоего отца.

— Толпу не удержишь никакими силами, — недовольным тоном отозвалась Джессика. — Что бы мы ни делали, праздные туристы протопчут сюда дорожку. Это будет цирк с гидами, наряженными в бутафорские фрименские одежды. Торговцы сувенирами будут на всех углах продавать осколки костей, утверждая, что это части костей Лето.

Чани бросила на Пола обеспокоенный взгляд, исполненный обычного благоговения.

— Усул, ты предвидел это? — Здесь, вдали от толпы, она называла его именем, данным Полу в ситче.

— Это предсказывает история, и уже не в первый раз, — ответила за сына Джессика.

— Для этого надо создать подходящую легенду, — сурово произнесла Алия, обращаясь к матери. — Бинэ Гессерит рассчитывал так использовать брата в своих целях. Теперь он сам творит легенду, следуя собственной цели.

Пол уже давно взвесил все за и против. Некоторые паломники явятся сюда по зову своих преданных сердец, другие же придут только для того, чтобы потом похвастать своим паломничеством. Но в любом случае пилигримы придут, это неизбежно, и было бы чистым безумием пытаться их остановить, поэтому придется искать иное решение.

— Мои федайкины установят здесь круглосуточную стражу. Никто не посмеет осквернить эту священную гробницу.

Он сложил кости и установил сверху череп так, чтобы пустые глазницы смотрели в синеву бескрайнего неба.

— Алия права, мама, — произнес Пол, не глядя ни на сестру, ни на Джессику. — Ведение войны не должно отвлекать нас от сотворения мифа. Только так сможем мы достичь задуманного. Для того чтобы всколыхнуть толпу, недостаточно взывать к логике и здравому смыслу. В этом отношении у Ирулан несомненный талант. Посмотрите, какой популярностью пользуется ее история о моем восхождении к вершинам власти.

— Это цинично, Усул. — Чани не нравилось, что номинальная супруга Пола вообще была способна на что-то полезное.

— Мой брат прагматик, — возразила Алия.

Пол внимательно посмотрел на череп, стараясь представить себе живые черты отца: орлиный нос, серые глаза, выражение лица — беспощадное для врагов и излучавшее любовь к сыну и Джессике. «Сколь многому я научился у тебя, отец. Ты научил меня чести и искусству правления. Мне остается лишь уповать на то, что мне довольно будет твоей науки». Но Пол понимал, что бедствия, с которыми ему придется столкнуться в скором будущем, превзойдут все тяготы и кризисы, которые пришлось преодолеть герцогу Лето. Пригодятся ли уроки отца в положении его сына?

Пол взял большой камень и установил его перед черепом, заложив основание пирамиды. Потом он сделал знак матери — положить второй камень, что она и исполнила. Алия установила третий камень.

— Мне недостает отца. Он так любил нас, что, не колеблясь, пожертвовал ради нас жизнью.

— Плохо, что вы по-настоящему не знали своего отца, — сказала Чани, уложив в пирамиду свой камень.

— О нет, я-то его хорошо знаю, — сказала Алия. — Моя врожденная память хранит путешествие мамы и отца в каладанскую глушь после гибели маленького Виктора. Именно там они зачали Пола. — Алия часто говорила сверхъестественные, пугающие вещи. Чужие жизни, спрессованные в ее необъятной памяти, уходили в далекое, неразличимое

обычными людьми прошлое. Она подняла голову и посмотрела на мать. — Там ты впервые увидела каладанских дикарей.

— Я помню, — отозвалась Джессика.

Пол продолжал укладывать камни. Когда погребальный холм полностью покрыл кости, Пол отступил на несколько шагов и разделил минуту скорби с теми, кто носил в сердцах вечную любовь к Лето.

Они помолчали. Потом Пол коснулся коммуникатора, укрепленного на воротнике конденскостюма.

— Корба, мы готовы.

Тотчас безмятежную тишину знойного дня разорвал рев мощных двигателей. Из-за скалистой гряды показались два орнитоптера с бело-зелеными гербами императора Муад’Дибя. Орнитоптеры сложили крылья. Головную машину вел начальник федайкинов Пола Корба — человек, исполнявший свои обязанности с поистине религиозным рвением. Но Корба не был льстецом, он был слишком умен и умело просчитывал последствия своих действий и поступков.

За двумя легкими машинами следовали тяжелые грузовые орнитоптеры, под брюхами которых на тросах раскачивались большие глыбы отполированного камня. Лучшие резчики Арракина покрыли камни узором, который должен был сложиться в живописное скульптурное жизнеписание герцога Лето Атрейдеса.

Теперь, когда момент благоговейной тишины миновал, начальники команд принялись отдавать громкие приказы рабочим, которые должны были начать строительство святилища.

Молча Джессика стоически смотрела на маленькую пирамидку, стараясь запечатлеть в памяти эту скромную могилу, а не чудовищное сооружение, которое сейчас будет воздвигнуто на ее месте.

Гулкий грохот машин исполинским эхом отражался от скал. Корба посадил свой орнитоптер и вышел из машины. Он был в упоении от гордости за то, что ему предстояло сделать. Он посмотрел на кучку камней и, видимо, нашел ее весьма причудливой.

— Муад'Диб, мы соорудим здесь монумент, достойный памяти вашего отца. Все должны испытывать священный трепет перед императором и всеми, кто был близок к нему.

— Конечно, должны, — ответил Пол, сомневаясь, что командир его федайкинов смог уловить иронию. Корба был захвачен идеей «религиозного импульса».

Команды принялись за работу с пылом гончих, настигших добычу. Так как на площадке не было места для посадки тяжелых грузовых орнитоптеров, пилоты опустили украшенные резьбой камни на вершину горы, отцепили их от тросов и взмыли в небо. Советники Пола сообщая одобрили проект мемориала, размножили чертежи и раздали копии начальникам команд. Основная пирамида будет символизировать роль, которую сыграл в жизни Муад'Диб герцог Лето.

Однако сейчас, размышляя о показном пышном мемориале, Пол мог думать только о пропасти, отделявшей его личные чувства от публичного образа. Несмотря на то что он не мог отречься от своей роли в управлении Империей и в религиозном движении, лишь очень немногие близкие ему люди видели настоящего, реального Пола. Но даже с ними он не мог быть до конца откровенным.

Джессика отступила на шаг и посмотрела на сына. Было видно, что она на что-то решилась.

— Думается, я сполна отдала свой долг Арракису, Пол. Мне пора уезжать.

— Куда же вы направитесь? — спросила Чани, наивно полагая, что в мире нет места лучше ее родной планеты.

— На Каладан. Я очень давно не была дома.

Пол и сам ощущал в сердце такую же тоску. Каладан уже принял его правление, но сам он не был там с тех пор, как Дом Атрейдесов прибыл на Арракис. Он внимательно посмотрел на мать, зеленоглазую красавицу, покоровшую некогда его галантного отца. Хотя Пол был теперь императором всей известной вселенной, он хорошо понимал чувства матери.

— Ты права, мама. Каладан тоже часть моей Империи. Я поеду с тобой.